

Бондаренко Ю.Я., кандидат философских наук, доцент
Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГЕНОЦИДА (Философский аспект)

Проблема определения того, что называют геноцидом, отнюдь не абстрактна. Об этом свидетельствуют жаркие споры о «голодоморе» и иных трагедиях, связанных с одним из драматичнейших периодов нашей общей истории. Наглядный пример: очередная дискуссия в известном телешоу «К барьеру», разгоревшаяся между российской и украинской сторонами. Уже тот факт, что реально, а не декларативно, позиции сторон (в который уже раз!) оказались очерченными государственными границами, весьма печален. Но в чем же суть этих позиций?

Если кратко, то украинская сторона настаивает на признании «голодомора» предвоенных лет, унесшего по определенным подсчетам 7 млн. жизней сельских обитателей тогдашней Украины [1], геноцидом и сожалеет о том, что на памятных мероприятиях соответствующего рода нет президента России, что, по ее мнению, свидетельствует о недостаточной десталинизации и десоветизации РФ. И если Германия покаялась за преступления времен нацизма, то почему же мы сами медлим с безоговорочным осуждением сталинизма и его преступлений?

Российская же сторона, не отрицая самой чудовищности жертв, постоянно подчеркивает, что жертвы эти, тем не менее, не были сугубо украинскими – ужасающий голод был и в ряде регионов России. Более же всего в процентном отношении пострадал Казахстан, потерявший почти треть своего населения. Следовательно, «голодомор», как и прочее, – беды общие и геноцидом названы быть не могут, ибо у тех, кто оказывался в вымирающих селах либо аулах, не спрашивали документов: кто ты: русский, украинец или казах?

Чтобы попытаться осмыслить все эти, отнюдь не сугубо теоретичес-

кие вопросы, попробуем начать с выявления изначального значения самого термина, и окажется, что ни в знаменитом ожеговском «Словаре русского языка» 1953 г., ни в куда более позднем издании «Энциклопедического философского словаря» (1983 г.), ни, к примеру, в «Краткой философской энциклопедии» 1994 года выпуска этого слова просто нет. Правда, оно имеется уже в достаточно старых выпусках «Словаря иностранных слов», где сказано, что «геноцид органическими связан с нацистскими и расистскими «теориями», пропагандирующими расовую и национальную ненависть» и является «тягчайшим преступлением против человечества»... Одно из компактных определений геноцида, а также его этимологии, мы можем встретить в двухтомном «Энциклопедическом словаре» 1963 г., где говорится, что слово «геноцид» происходит от греческого «гено» «род» и латинского «цедо» – «убиваю». Дословно геноцид означает «убийство рода, племени... физическое уничтожение отдельных групп населения по расовым, национальным и религиозным признакам (например, истребление гитлеровцами евреев, поляков и т.д.)».

Переходя же от этимологии к собственно историческим процессам, было бы уместно, прежде чем отнести что-либо к геноциду либо нет, выделить несколько аспектов проблемы геноцида.

Первое – это цели стороны, осуществляющей действия, которые порождают трагедию другой стороны, оказавшейся под ударом. Так, вспоминая трагедию армянского народа времен Первой мировой войны, мы констатируем целенаправленное, практически поголовное истребление огромной части мужского армянского населения Турции турецкой стороной, ко-

торое сопровождалось низведением армянок до фактического положения бесправных рабынь. В Третьем Рейхе поголовное истребление 6 млн. евреев и такого же типа уничтожение 700 тысяч цыган велось уже без учета пола, т.е. было еще более последовательным и жестким и поэтому может быть рассмотрено как апофеоз геноцида, геноцид в его самом крайнем проявлении.

Второе – по тотальности, вытекающей, но совсем не обязательно прямо, из поставленных целей. Так, истребление евреев, цыган, а до этого армян, было и целенаправленным, и, если не считать каких-то исключений, тотальным, то есть полным. Но исторически такое же тотальное истребление могло быть следствием не предварительного плана, а ожесточения, когда, как, скажем, в Измаиле, даже Суворов не мог сдержать солдат от убийства группы сдавшихся в плен турок. Не случайно, цари и полководцы прошлых столетий нередко отдавали своим бойцам на несколько дней на разграбление и убийства захваченные в бою города.

По масштабам содеянного. Так, истребление индейцев Центральной и Южной Америки не было тотальным, но по разным, хотя и не бесспорным данным, континент в результате колонизации потерял от 70 до 90 млн. жизней. При этом речь шла не только о прямом физическом уничтожении, но и о вытеснении с привычных мест обитания, использовании «огненной воды» и т.д. Так называть ли все это геноцидом или нет? И почему гибель от голода нескольких миллионов украинцев, казахов и других не геноцид, а гибель нескольких сотен, пусть даже ты тысяч осетин от грузинских пуль, бомб и снарядов порой называют геноцидом? Ведь бомбы и снаряды, так же как и окружавшие иные села бойцы сталинских заградотрядов, также не спрашивают паспорта и не интересуются национальностью того, в кого они попадают. И это не риторический вопрос. Просто речь идет о том, можно ли всякую масштабную траге-

дию, когда гибнут миллионы, сотни или даже десятки людей, назвать геноцидом, либо здесь надо подыскивать какие-то иные слова, которые помогли бы глубже проникнуть в суть жизненно значимых процессов, а значит и лучше понять причины опаснейших социальных эпидемий?

Третье – форма, т.е. то, о чем уже было упомянуто: только ли оружие пускается в ход? Не случайно же, в России и поныне иные российские политики говорят о геноциде русского да и ряда иных народов Российской Федерации, чье население сокращается в год примерно на миллион человек. На их взгляд ломка традиционных ценностей, таяние социальных гарантий, алкоголизм, наркомания и т.д. по своим губительнейшим последствиям таковы, что происходящее на протяжении последних десятилетий – десятилетий «либерализма» – может быть со всем основанием названо геноцидом. Более того, порою вспоминается нацистский план «Ост», по которому (наряду с широко известным прямым уничтожением евреев...) следовало создавать условия для депопуляции и деградации и собственно славянского населения России.

Но если понятие «геноцид» пытаются приложить к очень непростой и даже драматичной нынешней ситуации, то почему же тогда оно неприменимо к периодам массового голода на целом ряде территории самой большой страны Земного шара? Отбрасывая идеологические клише, здесь тем не менее есть о чем серьезно поразмыслить.

Четвертое, напрямую связанное с третьим. Чьими руками осуществляется геноцид? Обязательно ли, к примеру, немцы должны истреблять евреев, чтобы это мы были вправе назвать Геноцидом. В полемике, развернувшейся в упомянутой передаче, да и не только в ней, российская сторона, представленная видными идеологами и специалистами, стремится показать, что по отношению к Украине, а следовательно и другим территориям, массовая ги-

бель от голода не может быть следствием собственно геноцида, ведь заградотряды (там, где они были) не интересовались национальностью обрекавшихся на смерть селян, тогда как в руководстве той же Украины были и украинцы.

При всех симпатиях к России – это не аргумент. Так хорошо известно, что истребление индейцев местами превращалось в их самоистребление, так как осуществлялось их собственными руками, чему, в частности, способствовала и скупка скальпов белыми. Еще раньше, покорившие Балканы турки отбирали мальчиков-славян, превращаемых в «новое войско» – янычар. Те же, будучи славянами по крови, но воспитанные в духе верности Блистательной Порте, вполне могли истреблять своих кровных сородичей – славян. Но гибель людей, причем в целых населенных пунктах, не переставала быть массовой гибелью оттого, что в жилах убийц могла быть и славянская кровь. В свое время А. Вознесенский так писал об этом:

Пой, Георгий, прошлое болит.
На иконах конская моча.
В янычары отняли мальчика.
Он вернется – родину спалит.

И никто не знает, кто чей сын
Материнский вырезав живот.
Под какой из вражеских личин,
Раненая Родина зовет?

Вырванные груди волоча,
Оледеневая от любви,
Мама, отшатнись от палача!
Мама, у него глаза твои...

И, наконец, пятое: исторический контекст и масштабы истории. Так насколько плодотворно осуждать «Сталина и его клику» и в это же время поэтизировать (либо спокойно допускать поэтизацию) Чингиз-хана, Петра I, Колумба...?

Попробуем вкратце рассмотреть все обозначенные здесь грани проблемы. Представляется, что, говоря о целях советского руководства времен голодомора, говорить о геноциде, по крайней мере на уровне нынешних

аргументов, мы не имеем права. Нужен очень серьезный и непредвзятый анализ реальных и провозглашаемых задач советского руководства и путей их разрешения. При этом очень важно хотя бы попытаться представить всю картину периода индустриализации и коллективизации в целом, не ограничиваясь исследованием лишь мест массовой гибели людей от голода. Здесь очень важно разобраться, что вытекало из «задач классовой борьбы» в том виде, в каком она понималась центральным руководством и на местах, что из реальных проблем индустриализации, а значит, и урбанизации в период передышки между двумя мировыми войнами, что из «чистой» субъективности и т.д. Ведь, если мы не хотим бесконечно наступать на одни и те же грабли, прошлое уместнее не клеймить, а анализировать. Однако и само определение геноцида не должно быть застывшим и вполне может быть дополнено уничтожением и по «классовым, сословным, кастовым признакам». Следовательно, там, где удастся доказать, что целью было именно физическое уничтожение представителей той или иной социальной группы, класса и т.д., а не их «перековка», трансформация и т.п. (вспомним известное произведение тех лет «Человек меняет кожу»), можно будет говорить о геноциде в его первом аспекте. Но не ранее того.

В то же время, видимо, трудно отвертеться от признания «геноцидом де факто» действий, которые независимо от конкретных целей, влекли за собой массовую гибель людей, причем именно или в первую очередь из определенных этнических, религиозных или социальных групп. Так, если в Казахстане по определенным подсчетам погиб от голода 31 процент сельского населения, то по своему удару по генофонду этот феномен сопоставим с геноцидом. То же самое можно сказать об Украине, и не только. Другое дело, что было бы крайним упрощением и искажением реальных, очень не простых исторических процессов, усматривать причины трагедий в кознях рус-

ских, евреев, кавказцев. Страдали, пусть и в разной форме, представители самых разных народов. Это, естественно, не затушевывает самих страданий, но предостерегает от их плакатной обрисовки и линейного понимания...

Опуская размышления, сопряженные с третьим и четвертым аспектами того, что могло бы быть названо геноцидом, перейдем сразу к пятому. Исторический контекст проблемы побуждает нас рассматривать геноцид не просто как порождение определенной социальной системы, идеологии, и уж тем более отдельных народов, а как жуткий, но, увы, «естественный», как не чудовищно звучит здесь это слово, феномен. «Естественный», как цунами, землетрясение, при соответствующем развитии событий. Явление это далеко не новое и двадцатым веком отнюдь не ограничивается. Не случайно само понятие «геноцид» основано на симбиозе слов, взятых из двух древних языков. Истребление родов, племен, социальных групп, как это не печально, в истории встречалось неоднократно. Причем истребление целенаправленное. Зачастую оно было формой борьбы за выживание собственного клана, рода, этноса. Истребляли под корень, чтоб некому потом было мстить, либо, как монголы, убивали взрослых мужчин и тех мальчуганов, что ростом выше колеса, с тем, чтобы задушить в зародыше историческую память. Наглядно и простодушно эта картина истребления «детушек», чтобы «не осталось ни роду, ни племени», очерчена в некоторых русских былинах. Например, в былине о Добрыне и Змее, тот ездит целый день и топчет множество змеенышей [2].

Полную напряженнейшего драматизма картину рисует нам и библейская книга «Есфирь», где бесхитростно рассказывается, как некий Аман, вельможа царя Артаксеркса, невзлюбив иудея Мардохея, решил известить его, а вместе с ним и всех Иудеей царства. Есфирь же, будучи женой царя, добилась не просто избавления евреев от расправы в назначенный день пу-

рим, а и уничтожения недругов. «И собрались Иудеи, которые в Сузах ... и умертвили в Сузах триста человек, а на грабеж не простерли руки своей. И прочие Иудеи, находившиеся в царских областях, собрались, чтобы стать на защиту жизни своей и быть покойными от врагов своих, и умертвили они неприятелей своих семьдесят пять тысяч, а на грабеж не простерли руки своей» [Есфирь, Гл.3 -9].

Иными словами, будь то азиатские набеги одних на других, либо уже европейская война Алой и Белой Роз в Англии, геноцид мог быть страшной составляющей борьбы за самосохранение. И даже элементы геноцида в действиях «страны-волка» Ассирии или европейских колонизаторов были тоже в определенном виде формами борьбы за самосохранения, примерно так же, как действия хищников – способ борьбы за их собственное выживание.

Таким образом геноцид, как один из одиознейших способов борьбы за существование тех или иных социальных, религиозных, этнических групп может, подобно каменному оружию, стать достоянием истории лишь в ходе ее очеловечения, в процессе ликвидации тех основ человеческого бытия, которые роняют людей с самыми дикими животными и рожают ситуации, когда реальное либо воображаемое выживание своих возможно за счет унижения, эксплуатации либо уничтожения чужих.

К сожалению, сегодня, в начале двадцать первого века, мы скорее удаляемся от подобного желаемого состояния, нежели приближаемся к нему. Мрачные симптомы этого – образцы геноцида в деколонизированной Африке, где только в конце шестидесятых была практически истреблена миллионная нигерийская народность ибо, как показывает более поздняя история, дело этим не ограничилось. О том, что подобная по накалу страстей «африканизация» развития событий возможна и в иных местах, свидетельствуют события в Нагорном Карабахе, Ферганской долине...

Представляется и не менее опасной и идеологическая подготовка того, что можно было бы назвать либеральной формой геноцида. Как это ни парадоксально, но не шумные левые или экстравагантные скинхеды, которых так удобно поминать для демонстрации своей «прогрессивности», но и поборники либерализма и свободного развития внутренних потенций каждого, сами порой готовы освятить фактический геноцид. Разве не это освящение геноцида мы по сути дела встречаем в частом поминании еще в самые недавние времена истории с Моисеем, сорок лет водившим евреев по пустыне для того, чтобы умерли зачатые в рабстве, сопоставляя при этом пустынных евреев с «совками»?

Казалось бы, поминают Библию, а в памяти всплывает уже Ницше с его сакраментальным: «Падающего подтолкни».

То, что речь вроде бы идет не о прямом уничтожении, а об ожидании «естественного» вымирания «не той» части населения по сути дела ничего не меняет. Более того, кое в чем это похлеще большевизма. Ведь большевики хотя бы в идеале (и тут они подобны христианам) допускали «перековку», «перевоспитание», тогда как неолибералы эсенговского разлива настроены философически на естественное вымирание миллионов, которое, как мы видим в действительности, зачастую определяет не только ход времени.

К сопряженному с расширенным пониманием геноцида явлению – подрыву генофонда призывают и те, кто усиленно ориентирует нас на «личный успех», наглядный образец чего опять-таки шоу «К барьеру», но уже от 27 ноября 2008 г., где «удачливые» и «состоявшиеся» учили других заниматься более подходящими, то есть сулящими большие доходы делами, чем журналистика и прочее.

Но там, где способность к обогащению и уровень дохода становились мерилем успеха, цивилизации любых эпох сталкивались с каверзнейшими проблемами. Ибо нет страны, которая смогла бы выжить без медработников, учителей, рабочих и многих-многих иных, даже если их доходы ограничены. К сожалению, как показывают социологические исследования, в России (а по сути и в СНГ в целом) одной из главнейших проблем становится проблема достаточного достатка тех, кто работает. Иными словами, когда мы акцентируем внимание не на социальной справедливости, а на «личном успехе» любой ценой, мы тем самым наносим удар по генофонду, ибо ограничиваем широкий спектр форм самореализации теми, которые обеспечивают лишь внешнее благополучие, независимо от того, насколько эти формы соответствуют собственным потенциям и интересам индивида и потребностям страны. Столь же опасные угрозы генофонду таят на взгляд многих специалистов и крайности в нынешних реформах образования, оставляющих все меньше места для развития интеллекта и глубокого профессионализма, сочетающегося с широким кругозором. Но это уже тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цифры такого рода, как правило, не бесспорны, но их уязвимость не отменяет самой проблемы.
2. Былины. – М.: Современник, 1986, с.181.

Түйіндеме

Аталмыш мақала геноцид және оның түрлеріне салыстырмалы талдау жөніндегі мәселелерге арналған.

Conclusion

The article is devoted to the problem of genocide definition and to the question of comparative analysis of its different form